

Ван Жохань обернулся и увидел, что это говорила их одноклассница Чжан Сянсян. Она выглядела странно, словно больная, её поддерживали две другие одноклассницы, но выражение её лица было блаженным.

Ван Жохань опомнился, его лицо покраснело, и он поспешно объяснил:

— Мы... мы не кланяемся, как муж и жена...

Он понял, что, подбежав к Чжан Юнцяну, сам невольно опустился на колени. Он быстро поднялся, перейдя в положение на корточках, и тихо сказал Чжан Юнцяну:

— Старший брат, я прощаю тебя, вставай скорее.

Ван Мэн улыбнулась:

— У меня снова появилось вдохновение, эта сцена слишком впечатляющая.

— Мы кланяемся... как братья. — сказал Ван Жохань, но тут же поправился:

— Мы кланяемся... как учитель и ученик.

Ли Цзя поправила очки:

— Учебный комитет тоже так считает?

Чжан Юнцян не ответил прямо, он схватил Ван Жоханя за руку, наклонился к нему и, как ребёнок, капризно сказал:

— У меня болит голова... так болит...

Только тогда Ван Жохань заметил, что у него на лбу была ссадина, и засохшая кровь, как тёмный цветок, придавала ему некую странную привлекательность.

Ван Жохань никогда не видел его таким капризным, и это казалось ему непривычным, но почему-то милым, как два кролика на шляпе его матери.

— Я отведу тебя в медпункт. — Ван Жохань перестал думать о том, кланялись ли они как братья или как учитель и ученик.

Сейчас главное было помочь Чжан Юнцяну с головной болью.

Это был первый раз, когда он видел, как Чжан Юнцян получил травму. Когда они впервые встретились, тот разогнал несколько хулиганов, и даже тогда не получил ни царапины.

А сейчас он получил травму лишь для того, чтобы извиниться.

Ван Жохань не знал, радоваться ему или грустить.

Когда они ушли, Чжан Сянсян сразу оживилась, словно читая стихи, с чувством произнесла:

— Любовь заставляет терять себя.

— Жохань, у меня болит голова. — Чжан Юнцян продолжал жаловаться на боль, пока они шли в школьный медпункт.

К счастью, сейчас было время уроков, и, если бы другие ученики увидели это, неизвестно, какие слухи пошли бы по школе.

Раньше слухи о Чжан Юнцяне были связаны с жестокостью и насилием, но теперь всё изменилось. Оказывается, он боится боли и любит капризничать. Неизвестно, какой переполох это вызовет.

И этот переполох не заставил себя ждать.

Учитель английского Сунь Фэй, проходя мимо, увидел, как они идут, тесно прижавшись друг к другу, а Чжан Юнцян капризничает. Он не мог поверить своим глазам, открыл рот и, указывая на них, сказал:

— Ты... это Чжан Юнцян из 17 класса?

Когда Чжан Юнцян избил двух учеников, Сунь Фэй был у школьного поста охраны вместе с Шэнь Чуанем. Он хотел вмешаться, но Шэнь Чуань остановил его, сказав, что дети должны сами разбираться со своими проблемами. Взрослые не должны вмешиваться, даже если они учителя.

Двух учеников избили жестоко, их крики были ужасны. Сунь Фэй уже собирался броситься на помощь, но Шэнь Чуань остановил его:

— Я уже выяснил, что слухи распускали именно эти ученики. За свои поступки они должны быть наказаны. Я прослежу, чтобы ничего серьёзного не произошло.

От Шэнь Чуаня он также узнал, что эти двое издевались над одной девочкой, и Чжан Юнцян, услышав её плач, пришёл в ярость и заставил их просить пощады.

После того как Чжан Юнцян прогнал их, те затаили злобу и стали распускать о нём слухи. Но, к их удивлению, Чжан Юнцян всё выяснил и снова жестоко избил их.

Сунь Фэй видел жестокость Чжан Юнцяна своими глазами и не мог связать это с тем, кого он видел сейчас — наивного и капризного Чжан Юнцяна.

Разница была огромной, словно это два разных человека.

Ван Жохань покраснел, как помидор, и тихо сказал:

— Здравствуйте, учитель Сунь, Чжан Юнцян получил травму, я отведу его в медпункт.

Сунь Фэй удивился:

— Кто его... ранил?

Среди учеников Чжан Юнцян был настоящим лидером. Учителя не могли нападать на учеников, и даже если бы они решились, вряд ли смогли бы его ранить. Кроме того, директор старшей школы Наньмо запретил учителям применять силу к ученикам 17 класса, иначе им придётся отвечать за последствия.

Неужели это он?

Ван Жохань уже собирался ответить, но Чжан Юнцян, раздражённо нахмурившись, сказал:

— Учитель Сунь, вы слишком много вмешиваетесь.

Сунь Фэй почесал голову и с улыбкой сказал:

— Ладно, продолжайте, продолжайте.

Ван Жохань объяснил:

— Учитель Сунь, извините, Чжан Юнцян ранен, и у него плохое настроение.

— Ничего страшного.

Он поймал на себе жёсткий взгляд Чжан Юнцяна, такой же тёмный и беспощадный, как и в тот день, когда тот избивал учеников.

После того как учитель Сунь ушёл, Чжан Юнцян снова стал капризным. Ван Жохань сказал ему не быть таким грубым с учителем, иначе все подумают, что Сунь Фэй — его подчинённый.

Чжан Юнцян не возражал, только продолжал жаловаться:

— У меня болит голова...

— Как же болит...

На этот раз это был не Чжан Юнцян, а голос Чжа Нань, доносящийся из медпункта.

Чжа Нань держалась за живот, катаясь по кровати. Её лицо было бледным, волосы мокрыми от пота, она тяжело дышала.

Ей было очень плохо, но она улыбалась, и эта улыбка была печальнее, чем слёзы:

— Старший брат, где у тебя болит?

Только произнеся это, она снова схватилась за живот и закричала:

— Больно, чёрт возьми...

Чжан Юнцян нахмурился:

— Я же говорил тебе не есть столько мороженого. Сама виновата.

Чжа Нань вытащила из кармана платок и, плача, сказала:

— Но я люблю его! Купила столько, неужели я должна смотреть, как оно тает? Ох, как же болит...

Пару дней назад Диу Дун, чтобы сблизить Чжан Юнцяна и Ван Жоханя, купил четыре порции мороженого и другие закуски, пригласив всех поесть и поговорить, чтобы забыть о неприятностях.

Чжан Юнцян и Ван Жохань не пришли, и только Диу Дун и Чжа Нань остались, поэтому она съела их порции, употребив три порции мороженого за несколько минут.

Чжан Юнцян сказал:

— Если бы тебе не было больно, это было бы несправедливо по отношению к мороженому.

Ван Жохань, поняв, что у Чжа Нань, скорее всего, месячные, помог Чжан Юнцяну сесть и сказал:

— Чжа Нань, я принесу тебе горячей воды.

Чжа Нань, скривившись от боли, сказала:

— Староста, ты так добр ко мне.

Горячая вода была в другой комнате, и, как только Ван Жохань ушёл, Чжа Нань, чуть оживившись, сказала:

— Старший брат, сделай мне одолжение.

— Какое?

— Купи мне упаковку гигиенических прокладок.

Чжан Юнцян скривился:

— Сама купи.

Он никогда не покупал такие вещи. Даже не знал, как они выглядят.

— Смотри, я расскажу старосте, что ты притворяешься, что тебе больно. — Чжа Нань злорадно улыбнулась, но в её глазах не было зла, и она снова застонала:

— Чёрт, как же болит...

Эта маленькая царапина на его лбу не могла причинять столько боли. В старших классах он дрался, и ему сломали руку, но он даже не пикнул. А теперь из-за царапины он кричит, явно пытаясь вызвать чью-то жалость. Но, видя, что он снова в хороших отношениях со старостой, она всё же была рада.

Чжан Юнцян злое улыбку:

— Смотри, я расскажу Жоханю, что ты притворяешься, чтобы прогулять уроки.

Чжа Нань забыла о боли, чуть ли не подпрыгнув на кровати, и, указывая на него, закричала:

— Да пошёл ты! Разве я каждый месяц притворяюсь? Чёрт...

Чжан Юнцян засмеялся ещё громче, скрестив руки на груди:

— Продолжай ругаться, мне нравится.

— Твой отец — неудачник, самый никчёмный неудачник, тьфу... он просто трус. — Чжа Нань знала, что ругать можно только его отца, мать трогать нельзя.

Чем больше она ругала его отца, тем больше он радовался.

Она знала о его семейной ситуации с первого класса старшей школы. Они с Диу Дуном и Чжан

Юнцяном всегда были близки и делились всем. Она знала, что он ненавидел своего отца до такой степени, что, когда он избил его до госпитализации, с радостью рассказал им, как жалко тот выглядел.

<http://bllate.org/book/15447/1370330>